

КНУТ Дэвид (настоящее имя Давид Миронович Фиксман) [10(22).9.1900, Оргеев, Бессарабия, близ Кишинева — 14.2.1955, Тель-Авив] — поэт, прозаик.

Был старшим сыном в семье владельца бакалейной лавки Меира (Мирона) Фиксмана (ум. 1932) и его жены Перл (урожденная Кнут, ум. 1930). Детство и юность К. прошли в Кишиневе. С 14 лет сотрудничал в кишиневской печати — в газ. «Бессарабский вестник», «Бессарабия», «Свободная мысль», в 1918 редактировал ж. «Молодая мысль». В 1920 приехал в Париж, учился на химическом ф-те г. Кан (Нормандия), по окончании его работал на сахароваренном заводе; «переменил уйму самых разнообразных профессий» (письмо К. к З. А. Шаховской от 10 июля 1935 г. // Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 166): владелец дешевого ресторана, раскрасчик тканей, велосипедист-рассыльный. В Париже К. участвовал в деятельности лит.-худож. кружков «Гатарапак» (в 1921 избран вице-председателем), «Через», «Палата поэтов», в 1922 вместе с Б. Б. Божневым организовал «Выставку Тринадцати», в которой участвовали русские поэты и художники (см. автобиографическую справку К. // Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923. Paris, 1983. С. 314–315); в 1925 вступил в парижский «Союз молодых поэтов и писателей». Два стих. К. («В поле», «Джок») были напечатаны в СССР (Недра. М., 1924. Кн. 4. С. 262–263). Участвовал в ж. «Благонамеренный», «Воля России», «Звено», был одним из соредакторов парижского ж. «Новый дом» (1926–27. № 1–3). В 1926 вошел в поэтическую группу «Перекресток». Незаурядные творческие возможности у К. распознал В. Ф. Ходасевич, способствовавший его самоопределению в лит. жизни русского Парижа.

Первая книга стихов К. «**Моих тысячелетий**» (Париж, 1925) стала заметным событием в лит. жизни русской эмиграции; она обратила на себя внимание неожиданной эмоциональной тональностью, резко контрастировавшей с трагическими, меланхолическими звучаниями, «упадочными» настроениями, преобладавшими в тембре молодых эмигрантских поэтов. Как отмечал в рецензии на книгу Бронислав Сосинский, «в поэзии Кнута, не избегающего подчас и печальных мотивов, жизнь неизбежно везде торжествует. В восприятии внешнего мира у Кнута на первом месте стоит непосредственно тело. Зрение и слух отступают перед осязанием, обонянием, вкусом. <...> В его лирике и при широких захватах чувствуется злободнев-

ность во всей ее конкретности и простоте» (Своими путями. Прага. 1926. № 12/13. С. 70. Подпись: Б. С.). Ю. К. Терапиано оценил К. как «поэта высокого лирического напряжения и плодотворной творческой силы», спонтанного вдохновения, не поработанного зависимостью от лит. авторитетов и предстановленных образно-стилевых стандартов: «Д. Кнут живет и движется в ярких, динамических образах, в тугом и ясном сочетании слов. Лирические темы, правильно почувствованные, тяготеют у него к простому, без вычурности, не осложненному „заданием“ рисунку. Язык Довида Кнута звучит подчас с библейской торжественностью, широтой и многообразием. <...> Древность, и не только еврейского народа, — ввела читателя <...> в плотный, плоский и реальный мир и показала, как живой и приемлющий природу человек может дышать полным дыханием в поэзии, не нуждаясь ни в допингах умышленной самобытности, ни в масках символической игры, которой никакая реальная вещь в мире не соответствует» («Парижские молодые поэты» // Там же. С. 45).

«**Вторая книга стихов**» (Париж, [1928]) укрепила репутацию К. как «одного из наиболее подлинных дарований» в среде эмигрантских поэтов — мастера, сумевшего в редкостном сочетании совр. парижских впечатлений и ощущений с древним, ветхозаветным началом передать «полуязыческую радость бытия, любовь к земле, радостную богосыновность» (Цетлин М. // Совр. записки. 1928. Кн. 35. С. 538). И хотя Г. В. Адамович порицал лирику К. за отсутствие воодушевления и «передвижническую вакханалию» (Звено. 1928. № 6. С. 295), а М. Л. Слоним — за «отсутствие вкуса» и «некультурность стиха» (Воля России. 1928. № 7. С. 73), тем не менее мажорное звучание поэзии К. в сочетании с энергией, щедростью и непосредственностью самовыражения придавали его поэтическому голосу особую притягательность: «...искренний напор чувства — широкое „дыхание“ — „могучая музыка“, которая подчас слышится в его стихах, наконец, ввысь поднимающийся эмоциональный порыв — воля к жизни, устремление к Богу — делают его стихи особенно живыми среди безволия и анемичности многих его поэтических сверстников. <...> Поэзия для него не есть лишь исповедь, но существеннейшее начало в жизни, раскрытие, узнавание» (Ю. Терапиано // Новый корабль. Париж, 1928. № 4. С. 62). Та же эмоциональная тональность преобладает и в небольшой книжке стихов К. «**Сатир**» (Париж, 1929), напе-

чтанной в количестве 100 экземпляров без имени автора на титульном листе (с пометой перед стихотворным текстом: «Copyright by D. Knout»); предназначенный «для немногих» (что отчасти объясняется избыточными в «Сатире» «пикантными» деталями и раскованностью, с какой поэт воспекает «веселые сокровища», даруемые «охотникам за радостью любви»), этот «потаенный» сб. провозглашает те же ценности, что и др. поэтические книги К., — утверждение жизненных первооснов, чувственный экстаз, ведущий к простому и мудрому миропониманию.

В 1930-е К. — один из наиболее известных и признанных поэтов русского Парижа, участник основных эмигрантских периодических изданий («Совр. записки», «Числа», «Круг», «Русские записки»). Здесь появляются и его прозаические произведения: «Круглоголов и компания» (Встречи. 1934. № 1), «Парижский рассказ» (Круг. [1937]. № 1), «Дама из Монте-Карло» (Русские записки. 1938. № 12); более 10 рассказов (в т. ч. цикл «кишиневских рассказов») — в газ. «Возрождение».

Третья книга стихов К. «Парижские ночи» (Париж, 1932) включала его поэтический шедевр — стих. «Кишиневские похороны» («Я помню тусклый кишиневский вечер...»), рисующее печальную картину еврейских похорон и воссоздающее сквозь зримые приметы и колорит суетной житейской повседневности величественный образ нетленного бытия, подлинную реальность, засвидетельствованную с «редкой строгостью, серьезностью, убедительностью тона» (Бицилли П. М. [Рец.: «Парижские ночи»] // Числа. Париж. 1932. Кн. 6. С. 257). В целом же в «Парижских ночах» еврейская национальная проблематика отходит на второй план, в центре внимания поэта — трагические переживания совр. человека, ощущающего свою неприкаянность в «заброшенном мире»: «Меж каменных домов, меж каменных дорог, / Среди очерствелых лиц и глаз опустошенных, / Среди нещедрых рук и торопливых ног, / Среди людей душевно-прокаженных...» (С. 31). В. Ф. Ходасевич отметил в «Парижских ночах» признаки поэтического созревания К., его стремление к формальному мастерству, языковому и стилевому совершенству: «Кнут сделался строже к своим стихам <...> и вполне естественно, что легкость, с которой прежде стремился он просто запечатлеть на бумаге свое „волнение“, сменяется тяжестью сознательного художественного творчества» (Возрождение. 1932. № 2494. 31 марта. С. 3).

Четвертая книга стихов К. «Насущная любовь» (Париж, 1938), развивавшая трагические мотивы «Парижских ночей» и утверждавшая начала «нового гуманизма» (Бицилли П. М. [Рец.] // Совр. записки. 1938. Кн. 67. С. 451), была отмечена спадом лирического напряжения: по мнению убежденного поклонника его поэзии Ю. Терапиано, в ней К. «как-то расслабился и расшатался, сузил свою тему — порой до частного, лишь ему интересно-го случая» (Круг. Париж, 1938. Кн. 3. С. 172).

В 1937 К. совершил поездку в Палестину на борту парусника Еврейской морской лиги «Сарра Алеф», результатом чего стали его путевые записки «Альбом путешественника» (Русские записки. 1938. № 5, 7) и стих., позднее составившие цикл «Прародина» в его последней книге «Избранные стихи» (Париж, [1949]); в сб. вошли стихи из ранее изданных книг К., некоторые — в переработанных редакциях. Неосуществленным остался замысел «книги рассказов из южного русско-еврейского быта» (письмо К. к Р. С. Чеквер, 3 февр. 1946 // Stanford Slavic Studies. Vol. 4. № 2. Stanford. 1992. P. 382). Во время немецкой оккупации К. и его вторая жена Ариадна (1905–44; дочь композитора А. Н. Скрябина, перешедшая после замужества в иудаизм) стали активными участниками подпольной еврейской организации Сопротивления, принимали участие в партизанском движении на юго-западе Франции; Ариадна Скрябина была расстреляна гестаповцами в Тулузе в 1944 (ныне ей там поставлен памятник), К. сумел бежать в Швейцарию. О движении Еврейской боевой организации позднее он написал книгу «Contribution à l'histoire de la Résistance Juive en France 1940–1944» (Paris, 1947). Трагедия мировой войны и геноцида евреев заставила К. ощутить себя «бывшим» поэтом; 3 янв. 1946 он писал Р. С. Чеквер: «Шесть лет не писал стихов. И только в последнее время, да и не без труда, занимаюсь — вяло — хлебной литературой. <...> Не осудите — но я — онемел» (Stanford Slavic Studies. Vol. 4. № 2. P. 379). В 1948 К. приехал в Израиль; в 1949, после непродолжительного возвращения в Париж, переехал в Израиль навсегда, поселился в Тель-Авиве. В последние годы жизни от лит. кругов русской эмиграции отошел, пробовал писать на иврите. Скончался от опухоли мозга.

Называвший себя «евреем, помноженным на русского» (письмо к Р. С. Чеквер от 10 мая 1946 // Stanford Slavic Studies. Vol. 4. № 2. P. 388), К. в своем творчестве в полной мере отразил эту национально-языковую и психо-

логическую двусоставность. Об уникальности поэтической индивидуальности К. писал философ и публицист Г. П. Федотов: «Может быть, поэт этот не принадлежал ни к парижской, ни вообще к русской школе, хотя и писал на прекрасном русском языке. Довид Кнут один из самых значительных поэтов русского Парижа, но, может быть, русская форма была для него случайностью. Его вдохновение, его темы были такими еврейскими, что кажется странным, что писал он не на древнееврейском языке. <...> В нем звучит голос тысячелетий, голос библейского Израиля, с беспредельностью его любви, страсти, тоски. И — перебрасывая мост через века — поэт находит себя в Париже XX в. перед той же тайной мира, перед бездной человеческих страданий, связанный с миром и людьми общностью судьбы» (О парижской поэзии // Ковчег: Сб. русской зарубежной лит.-ры. Нью-Йорк, 1942. С. 198).

Соч.: СС: в 2 т. / сост. и комм. В. Хазана; вступ. статья Д. Сегала. Иерусалим, 1997–98.

Лит.: Седых А. Далекое, близкие. [New York], 1962. С. 260–265; Бахрах А. По памяти, по записям. Лит. портреты. Париж, 1980. С. 125–134; Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996; Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа за полвека. 1924–1974. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 222–226; Шапиро Г. Десять писем Довида Кнута // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1986. Vol. XXVII. № 2. P. 191–208; Rischin R. Toward the Biography a Period and a Poet: Letters of Dovid Knout. 1941–1949 // Stanford Slavic Studies. Vol. 4. № 2. Literature, Culture and Society in Modern Age. In Honor of Joseph Frank. Part II. Stanford, 1992. P. 348–393; Хазан В. Довид Кнут в Палестине и Израиле // Евреи в культуре Русского зарубежья. Т. 4. Иерусалим, 1995.

А. В. Лавров

КНЯЗЕВ Василий Васильевич [6(18).1.1887, Тюмень — 10.11.1937, в заключении] — поэт.

Родился в купеческой семье, отец был поэтом, музыкантом, художником, мать — дочь ссыльного поляка К. Н. Высоцкого, видного культурного деятеля Сибири. Так расшифровывается один из псевдонимов К.— Высоцкий К. Учился в гимназии в Екатеринбурге, затем в 1904–05 в земской учительской семинарии в Петербурге. 9 янв. 1905 участвовал в митингах и демонстрациях в Петербурге и из семинарии был исключен.

Первая публикация — 3 янв. 1905, незадолго до Кровавого воскресенья. С 1905 печатается в разных жанрах — сатира, басни, пародии, частушки, революционные песни, баллады — в ж. «Поединок», «Гном», «Серый

волк», «Застрельщик», «Скандал», «Овод», «Маски», «Сатира», «Булат» и др. В 1905–07 выступает под псевдонимами Буревестник, Василиск, Язев, Княжевич и др. После поражения первой русской революции из оппозиционных к правительству журналов переходит в либерально-юмористические «Будильник», «Сатирикон», «Новый сатирикон» и др. В 1910 издает сб. **«Сатирические песни»**. Дед и отец К. собирали народные пословицы; К. последовал их примеру, много внимания уделил «Пословичной энциклопедии». Его книга **«Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки Санкт-Петербургской губернии»** (1913) была отмечена почетным отзывом Академии наук. К. не только собирал фольклор, но и в своих стихах использовал фольклорные жанры — рашник, частушку, городской романс. В 1914 издал в Петербурге книгу **«Двуногие без перьев. Сатира и юмор»**. Стихи 1905–16 были собраны в **«Первой книге стихов»**, вышедшей в Петрограде в 1919. После Октябрьской революции К. становится сотрудником «Красной газ.». Как отмечали в печати, «Князев первый вышел из рядов буржуазной печати и стал под красное знамя» (Вестник лит.-ры. 1919. № 3. С. 9). В «Красной газ.» ежедневно появлялись стихи-«набаты» («**Песня набата**», «**Ночной набат**» и др.) Красного звонаря, песни Красного поэта, беседы деда Нефеда, фельетоны Софронова внука из Великого Лук (псевдонимы К.). В 1918 К. печатался и в газ. «Петроградская правда», «Северная коммуна», в сатирических ж. «Красный дьявол», «Гильотина», также в ж. «Красноармеец», «Красный командир», газ. 7-й армии «Боевая правда», в газ. Москвы, Смоленска, Архангельска и др. Тогда же редактировал ж. «Красная колокольня», руководил стихотворным отделом «Красной газ.», работал в «Боевой правде», выступал на митингах, участвовал в агитпоездках на фронт, там организовал фронтовую газ. и «окопный театр».

Среди десятков и сотен его боевых агиток, пафосных и сатирических стихов, политических памфлетов и фельетонов самым знаменитым его произведением явилась **«Песня Коммуны»**, опубликованная «Красной газ.» 11 авг. 1918. На многочисленных митингах восторженно повторяли ее рефрен: «Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!» Л. Полонский свидетельствует: «Комсомолец 20-х годов, я и сегодня, спустя 60 с лишним лет, помню, как упоенно пели мы эту песню в праздничных колоннах Первомая и Октября» (Полонский Л.— С. 136).